

Примечание(1): хронология событий в фанфике:

1914 (Сентябрь) - Перерождение Тани (канон)

1923 - Начало войны (канон)

1931 - Конец войны

1932 (Октябрь) - Первые партийные выборы, в которых участвовала Таня

1936 (Октябрь) - Таня становится канцлером

1937 (Июнь) - Вторая конференция Лондиниума

ooOoo

Фредерик Розенфельт, губернатор Нью-Амстердама (П/п. Нью-Йорка), держал в руках раскрытый газетный лист, внимательно изучая его содержание. Закончив, он аккуратно сложил его, и перед ним показалась первая страница газеты недельной давности "Нью-Амстердам Таймс". Почетную же первую полосу занимала фотография канцлера Джермении Тани фон Дегуршафф, сделанной в тот момент, когда она запустила руку в волосы вскоре после того, как спустилась с неба на Лондиниум.

Жена Розенфельта уже успела спросить его, где она может купить копию кожаной куртки канцлера.

Заголовок "Нью-Амстердам Таймс" сообщал с типичной для него сдержанностью, что "Канцлер Дегуршафф Заблаговременно Прибыла на Дипломатический Саммит". Розенфельт отложил газету в сторону, прямо поверх нового номера "Амстердам Пост" за тот же день, с той же фотографией и заголовком на всю страницу: "ДЬЯВОЛ ЗАХОДИТ НА ЧАЙ". Розенфельт потянулся за следующей газетой, которую обычному американцу достать было гораздо труднее. В конце концов, на какую-то рассылку политических бюллетеней далёкой от Америки Джерманской партии спрос был невелик, даже если она носила относительно претенциозное название "Национальный Наблюдатель".

Розенфельт не совсем свободно говорил по-немецки, но язык он понимал достаточно хорошо. Его задача была облегчена тем фактом, что единственной частью бюллетеня, которая его интересовала, был текст речи тогдашнего представителя партии Дегуршафф.

Не считая шелеста бумаги и тиканья напольных часов, в кабинете губернатора стояла умиротворяющая тишина. Тратить своё драгоценное свободное время на чтение риторики иностранного политика было не совсем в духе Розенфельта. Но ему приходилось делать и более обременительные вещи, чтобы продвинуться так далеко в своей карьере.

Он почти дочитал всю речь, как тишина в кабинете была разрушена. Раздался стук в дверь, а мгновение спустя она с треском распахнулась, и в кабинет заглянула его секретарша.

- К вам мистер Морроу, сэр.

- Отлично, пусть войдёт.

Чарльз Морроу был одним из пионеров в сфере обучения новых воздушных магов, с нуля построивший для них программу подготовки в Единых Штатах. В то время как у легадонской

иммигрантки Мэри Сью, которая являлась, по общему признанию, более сильным магом, было больше индивидуальных достижений во время войны, именно Морроу, больше, чем кто-либо другой, был ответственен за впечатляющие результаты воздушного магического подразделения в целом.

Теперь, когда Морроу вышел в отставку и ему стукнуло чуть за сорок, он проводил большую часть своего времени, поднимая шум в светской жизни Нью-Амстердама. По правде говоря, он не сильно отличался от себя молодого. Только после вступления Америки в Великую войну, он взялся за ум и перестал гоняться за каждой юбкой, и Розенвельт, честно говоря, даже не был уверен, что это пошло ему на пользу.

Они впервые встретились несколько лет назад на вечеринке, посвященной прощанию с алкоголем, накануне сухого закона. Солидный политик и чуть безумный воздушный маг впервые нашли общий язык за выпивкой. Со временем между ними установилась странная, но искренняя дружба.

У одного из кузенов Розенфельта были свои бизнес-интересы в Джермении. И Морроу был не против взяться за простенькую работу по "изучению инвестиционных возможностей". Учитывая, что Розенфельт хотел из первых рук побольше узнать о стране, о которой так часто говорят в новостях в последнее время, он даже не стал ругаться на Морроу за то, что тот, вероятно, провёл большую часть своего времени в различных пивных.

- Чарли, рад тебя видеть, - сказал Розенфельт и пожал друга за руку, когда тот подошёл к столу.

- Губернатор, - сказал Морроу, прежде чем Розенвельт отмахнулся от его слов.

- Давай сейчас без этого, - сказал он и подошёл к шкафчику у стены кабинеты. - Если память мне не изменяет, ты пьёшь сухой мартини с двумя оливками.

- Что бы сказали жители Нью-Амстердама, если бы узнали, что их губернатор с такой легкостью нарушает Конституцию?

- Они, наверное, попросили бы меня налить и им, - сказал Розенвельт. Он мог лишь посочувствовать всем тем, кто лишился любимого алкоголя из-за трезвенного движения, но теперь запрет был больше фарсом, чем настоящим законом. По крайней мере, данный эксперимент имел и некоторую ценность, наглядно показав, что даже Конституция не может изменить человеческую природу.

- Ах, ну и чёрт с тобой, - сказал Морроу. - Я бы сейчас не отказался выпить.

- Что, ты ещё не пришёл в себя? - Спросил Розенфельт, слегка нахмурившись и с привычной лёгкостью разлив напиток в бокалы. - Я вроде велел персоналу оставить тебя наедине с собой.

Высокопоставленные друзья помогли Морроу сохранить его вычислительную сферу после того, как он ушёл в отставку. Удобно, особенно когда дело доходило до перемещения по миру, хотя мало кто смог бы пролетать через всю Атлантику за один присест. Такие дальние перелеты плохо сказываются на теле, а Морроу уже не так молод, как раньше.

- Нет, нет, всё прошло как по маслу, - сказал Морроу, благодарно принимая предложенный бокал и делая первый глоток. - Просто моё тело всё ещё думает, что я в часовом поясе Беруна.

Розенфельт был достаточно старым, чтобы помнить ещё те времена, когда активных полётов не

было даже в планах, а о современных вычислительных сферах можно было только мечтать. Тем удивительнее было то, что за свою жизнь он успел застать человека, дезориентированного быстрой сменой часовых поясов.

- Кстати, о Беруне, - сказал он. - Как там в Джермении?

- Тебе понравится, - ответил Морроу. - Я нашёл это в придорожном ларьке.

Он полез в сумку и достал маленькую деревянную статуэтку. Она представляла собой женщину, поднимающую руку в благословении и глядящую на мир со строгим выражением на лице. Розенфельт подумал бы, что это изображение ангела, если бы не две вещи. Во-первых, у статуэтки не было крыльев. Во-вторых, хотя платье, которое носила фигурка, может и соответствовало религиозным традициям, отчётливо вырезанная куртка в джерменском военном стиле - точно нет.

- Неужели Дегуршафф поощряет такого рода вещи?

Если так, то он явно ошибся, решив, что понимает её.

- Не-а, такие статуэтки периодически появляются то тут, то там. Ты же знаешь, какими суеверными могут быть фермеры, - сказал Морроу. - Но что интереснее, в столице же сейчас модно носить вот это.

Следующим предметом, который он достал из сумки, была нарукавная повязка. Сплошного красного цвета с белым кругом посередине, внутри которого был вычерчен чёрный символ - перевёрнутое зеркало Венеры, или же примитивный рисунок, повторяющий контуры вычислительной сферы, или же перевёрнутый женский символ, или же напоминание о религиозной иконографии... Незатейливость символа противоречила многогранности, с которой можно было бы интерпретировать его смысл. Типично для всего, что связано с Дегуршафф.

- Никак не пойму, почему ты тратишь столько времени на эту девушку, - добавил Морроу.

- Любой добропорядочный гражданин должен проявлять интерес ко всем актуальным мировым событиям, - ответил Розенфельт, на мгновение приняв профессорский вид, прежде чем пожать плечами. - Кроме того, мне всегда нравилось изучать первопричины чужого успеха.

- Ты и сам довольно успешный политик.

Справедливое замечание. И все же Розенфельт знал, что его друг видит лишь результат долгого и трудоёмкого процесса, процесса, который, как он ожидал, продолжится и после его смерти.

- В детстве мой кузен был слабым и робким. Ему это не нравилось, поэтому он решил выяснить, что делают храбрые и сильные люди, и заставил себя сделать то же самое, - сказал Розенфельт. - В конце концов, он стал тем Тедди Розенфельтом, которого ты знаешь.

- Да, да, - сказал Морроу, - если хочешь пойти по пути Дегуршафф, сначала придётся заработать несколько медалей.

- Я позабочусь о том, чтобы к моей коляске прикрепили несколько пулемётов

Мужчины рассмеялись, и Розенфельт посчитал это своей маленькой победой. Много воды

утекло с тех пор, но сейчас он, не без труда, но может пошутить о своей инвалидности.

- А если серьезно, мне выдался шанс лично поприсутствовать во время одной из её речей. И могу сказать, что она... настойчивая, - сказал Морроу. - Не уверен, что её стиль сработает здесь, в Америке. Но она говорит так, будто в следующую минуту её парни будут атаковать пулемётное гнездо.

- Возможно, ты прав, - согласился Розенфельт. Он остановился, чтобы сделать глоток. Его взгляд сам собой вернулся к той речи, которую он до этого просматривал. Что-то в ней его беспокоило. - Ты знаешь, что означает это слово? Оно есть во всех её речах.

Обычно, чем чаще появлялось слово, тем легче было вычленить его смысл из контекста. Но чем чаще появлялось это слово, тем больше он запутывался в его смысле. Розенфельт полагал, что Морроу сможет ему пояснить его. После стольких лет, проведенных в той стране, маг хорошо владел джерменским языком.

- Это-то? Его формулировка немного забавная, но она означает "страховочная сеть", - сказал Морроу. - Вроде той, что используется для акробатов в цирке.

Внезапно, как картинка, попавшая в фокус, вроде бы бессвязные поначалу речи начали выстраиваться в чёткую схему в голове Розенфельта. Все эти казавшиеся никак не связанными друг с другом обещания, относящиеся к разным группам интересов, сплетались в единую структуру.

Дегуршафф не была слепа к недостаткам капиталистической системы. Как и коммунисты, она могла указать на те проблемы, которые возникают в любом случае, когда дело касается неуправляемого получения прибыли. Однако, в отличие от коммунистов, она не хотела разрушить всё до основания и начать с чистого листа. Вместо этого она предложила защитить рабочих от худших опасностей, возникающих при системе свободного рынка, позволив им сохранить плоды своих собственных трудов.

Нет, обычный военный фанатик с горячей кровью в венах никогда бы не додумался до чего-то подобного.

- А я ведь знал, что здесь найдётся чему поучиться, - сказал Розенфельт, наслаждаясь собственным озарением.

- Думаю, ты слишком её переоцениваешь, - сказал Морроу, качая головой. - Я слушал её речи, наблюдал за её работой. Всё было просто и понятно, шаг за шагом.

- Один из способов убедиться в том, что вы наблюдаете за работой гения, - ответил Розенфельт, - заключается в том, что вам кажется, что они делают всё просто и понятно.

Проблемы Джермении не закончились с подписанием договора Лондиниума. Многие ещё лишь предстояло определить относительно нового места молодой страны в мире. Всё, что она делала до этого, происходило в тени Империи. Руководство страны обещало всем мир и покой, но что же будет дальше на самом деле?

Он с нетерпением ждал возможности увидеть, какой будет следующий шаг Дегуршафф.

ooOoo

Очень любезно со стороны Виши после того, как я протрезвела, не упоминать о моих пьяных

бреднях. Со своей стороны, я старалась не вспоминать своё поведение, вызванное всего лишь двумя бокалами вина. Однако я не забыла о тех словах, которыми она со мной поделилась.

Если я хочу мирной жизни, мне недостаточно просто уйти в отставку. Я была слишком заметной фигурой на мировой арене. У кого-нибудь может возникнуть шальная мысль о моём неожиданном возвращении. Нет, меня должны с концами выгнать с общественной сцены. Конечно, вариант со ссылкой больше мне не доступен. Но надежда есть, пока приближаются следующие выборы. После того, как в результате выборов мне придётся покинуть пост канцлера, у меня появятся два пути: остаться и получать зарплату как бессильный заднескамеечник или же растворится в частном секторе.

Как только мы вернулись в Берун, я сразу же пробила закон о ценных бумагах, который парламент отказывался рассматривать в прошлом. Моя репутация была как никогда на высоте после конференции в Лондиниуме, но я-то знала, насколько избиратели могут быть непостоянны. Перестаравшись, я могла вызвать общее негодование, пересилившие бы общественную благодарность за мои достижения. Кроме того, был независимый от меня шанс того, что наши партнеры по коалиции решат разорвать с нами союз, тем самым решив все мои проблемы за меня.

К сожалению, новые законы, казалось, не привели к заметным изменениям. Теперь если джерменские бизнесмены хотели и дальше продолжать свой бизнес, они должны были взять на себя больше бумажных дел, чего явно было недостаточно для того, чтобы вызвать хоть какой-то протест. Немного снизились иностранные инвестиции, но трудно было сказать, было ли это результатом новых законов. Берун уже и так был захолустьем во всём, что касается международного капитала. Я могла утешить себя мыслью, что, по крайней мере, благодаря новым законам некоторые из самых безумных и распространенных в эту эпоху практик, связанных с выпуском и торговлей ценными бумагами, будут сильно ограничены.

Немного обдумав своё положение, я вдруг поняла, что мне и вправду повезло "увернуться от пули". Если я и в самом деле хочу мирной отставки, то недостаточно просто уйти с поста канцлера. В конце концов, я могла сделать это в любое время, просто создав достаточно шокирующий скандал. Нет, мне нужно решить основную частично вызванную мной проблему. Я едва ли смогу насладиться своим залуженным отдыхом, если мой преемник немедленно погрузит страну в войну.

Именно я показала всей стране, что можно добиться серьёзного политического успеха в качестве агрессивного милитариста. И я же продемонстрировала, что можно сформировать правящую коалицию, сплавив в едино воинственную риторику вместе с дружественной бизнесу политикой. Конечно, я также использовала преимущества современных политических техник из моего мира, но теперь, кто-то может подумать, что можно добиться большого успеха, скопировав мой путь. Чтобы обеспечить себе спокойную жизнь, мне придётся не только уйти в отставку, но и разорвать свою коалицию до такой степени, что её невозможно будет восстановить.

Мне нужно вбить клин в свою же коалицию.

По сути, возможность вбить клин в абсолютно любую достаточную крупную группу людей существует, потому что эти группы, например, те же политические коалиции, состоят из людей, надежды, мечты, предпочтения и учения которых в той или иной степени различны. Каждый, кто голосовал за чужого кандидата, шёл на некий личный для каждого компромисс. И как раз вдоль линий, отделяющих людей друг от друга, но связанных различными компромиссами, и можно вбить клин. Каждый раз, когда два человека соглашаются в общем,

но при этом остаются на своём в мелочах, возникает возможность вбить клин.

Большая часть стратегий современной политики включает в себя различные попытки акцентировать общественное внимание на внутренних разногласиях и проблемах в стане ваших оппонентов, преуменьшая важность тех, что скрываются внутри вашей собственной партии. Конечно, не все избиратели такие дураки, что готовы поверить любым вашим словам. К тому же трудно убедить кого-то, кто с самого начала поддерживает ваших оппонентов. С другой стороны, избиратели, как правило, более восприимчивы к тому, что говорят их сограждане.

За примером далеко идти не надо: моя собственная партия проводила мощную кампанию несогласия с договором Триано. Естественно, возникали вопросы о том, что мы можем сделать в практическом плане на этом поприще. Пассивно сопротивляться? Вторгнуться в Республику Франсуа? Начать ещё одну Великую войну? Конечно, различные политики-оппоненты пытались указать на проблемы, связанные с подобным родом действий. Мои же сторонники, так как являлись очаровательными военными маньяками, просто отказывались отвечать на подобные вопросы тех, кто, по их мнению, продал Отечество. С другой стороны, если бы я поставила своей целью расписать все детали и объяснить спорные моменты, обязательно бы нашлись те, кто был бы не согласен со мной, и партия могла бы в конце концов разорваться от случайно выставленных наружу внутренних разногласий.

Конечно, договор Триано остался в прошлом. Но Джерменская Рабочая Партия всё ещё имела свою некую долю скрытых противоречий и разногласий. Мне просто нужно было вытащить их на поверхность.

Именно поэтому я и оказалась сейчас во главе длинного стола, за которым сидели все большие военные шишки страны. Адмиралы и генералы, члены Генштаба, некоторые старшие офицеры и их морские эквиваленты - все они смотрели на меня, ожидая начала дневного совещания. Виша и генерал Лерген сидели рядом со мной во главе стола, а генерал Цеттур - ближе всех к нам. Прошло уже две недели с тех пор, как я вернулась из Лондиниума, и пришло время обсудить будущее нашей армии.

Крупная текучка кадров в высших армейских эшелонах произошла сразу после окончания войны и моей собственной военной службы. Так что единственным знакомым лицом за столом был генерал Циглер, только что вернувшийся с транспортировки остатков войск Франсуа на родину. Я смутно помнила некоторых других военачальников, но не видела за столом никого, кого знала бы лично.

Никто не курил, что было приятным сюрпризом. Я оценила эту любезность с их стороны.

- Господа, могу с уверенностью заявить, что перед нами открылся целый новый мир возможностей после отмены большинства довольно неприятных положений договора Триано, - сказала я. - Но прежде чем мы начнём, мне хотелось бы... Что же, похоже, это наша традиция - учиться на своих ошибках. Я уверена, что у вас уже была подобная дискуссия, но я надеюсь, что вы побалуете меня и поделитесь своими соображениями. Так почему же мы проиграли Великую войну?

Естественно, у всех в комнате было своё личное мнение по этому вопросу. Поднявшись на вершину в меритократической имперской армии, никто не будет стесняться выражать свои мысли, подкрепляя свои претензии фактами и логикой. Последовавшая дискуссия затронула каждый пункт в уже знакомом длинном перечне ошибок, допущенных во время войны.

Направили все силы центральной армии на вторжение в Антанту Легадонии. Позволили Легадонскому флоту, который позже сыграл главную роль в эвакуации Франсуа, сбежать. Согласились на перемирие, которое позволило войскам Франсуа эвакуироваться, что привело к формированию армии Свободной Франсуа. Перегрузили логистику и экономику Империи, преследуя армию Франсуа в Африке, передислоцировав половину всей армии, участвовавшей в боевых действиях в Европе. Отказались от посредничества, предложенного Союзным Королевством, впоследствии из-за которого и были вызваны все наши военно-морские неудачи. Ничем не ограничили подводные сражения, которые в конце концов спровоцировали Единые Штаты присоединиться к войне.

Конечно, и на более поздних этапах войны защита империи не обошлась без ошибок, но по общему согласию к этому моменту итог войны был уже предreshён. Вместо этого дальнейшая дискуссия вращалась вокруг того, какие из предыдущих ошибок были оправданными решениями в то время, какие были откровенными просчётами с нашей стороны, и как этих ошибок можно было избежать.

Но никто из них не спросил моего личного мнения. Я разрывалась между чувством удовлетворения и чувством разочарования.

Как только дискуссия, наконец, начала подходить к своему концу, я постучала по столу, чтобы привлечь общее внимание.

- Боюсь, мы забыли наше прошлое, - сказала я. - Война есть продолжение политики иными средствами. (П/п: Из сочинения «О войне» (ч. 1, 1832) прусского военного теоретика генерала Карла фон Клаузевица (1780—1831))

До этого я убедилась, что соответствующая цитата существует и в этом мире.

- Иностранцы могли бы сказать, что наша нация - это армия, к которой присоединили государство, но мы-то знаем, что это лишь гнусная клевета. Наша история изобилует и талантливыми дипломатами, и выдающимися государственными деятелями, а не только превосходными военными, - сказала я. - К сожалению, само это военное превосходство возросло до такой степени, что ослепило остальную часть нашего правительства столь сильно, что они позабыли о своих собственных обязанностях.

Печально, но факт в том, что посредственные сотрудники при любом удобном случае будут пытаться переложить свои обязанности на более талантливых коллег. Таким образом они вдвойне обманывают работодателя. Им будут платить за то, что они, в общем-то, не работают, а тем, на кого они переложили свои обязанности, не будут платить за их "переработку". В частном секторе можно просто уволить симулянта. В правительстве же всё гораздо сложнее.

- Например, ответное вторжение в Легадонию, - продолжила я. - Те, кто сейчас защищали это решение, утверждали, что оно дало нам возможность убрать потенциального врага с границ империи. Я так понимаю, что в то время причина была той же?

- Да, - ответил генерал Цеттур. - Я хорошо помню тот день.

- То есть можно сказать, что преследуемой политической целью была аннексия Легадонии? - Спросила я. - И все решили, что никакая другая страна не будет вмешиваться? Неужели никто за пределами военных сил не удосужился проконсультироваться по этому вопросу?

На мои настойчивые вопросы они ответили недовольными и раздражёнными взглядами.

- Легадония вторглась на наши земли. В этом и подобных ему случаях именно военные должны решать, как нам реагировать, - сказал генерал, по-видимому, выступив сразу за всех.

- Может быть для рядового и вполне приемлемо сосредоточиться лишь на том, как убить врага и остаться в живых, их работа всё же и так достаточно тяжела, может быть даже капитану или майору можно сосредоточиться лишь на победе над вражеской армией, стоящей перед ними, - сказала я, сделав паузу, чтобы отпить глоток кофе. - Но генерал должен мыслить шире. Окончание войны требует дипломатии. Компромисса. Политики.

Конечно, в случае если вы можете с лёгкостью разбить всех ваших врагов в пух и прах, никто бы не смог возразить против завершения войны на ваших предпочтительных условиях. Однако, когда список тех, кто мог бы вам возразить, состоял из более или менее каждой страны в мире, подобное решение нельзя назвать взвешенным или хоть чуточку реалистичным.

- Согласится ли остальной мир на нашу аннексию Легадонии? Если нет, сможем ли мы заставить его не вмешиваться в наши дела? Подобные вопросы следовало задать до дебатов о том, как бы поудачнее сокрушить Легадонскую армию.

Я поставила свой кофе обратно на стол и театрально вздохнула.

- Честно, не могу винить военных в том, что мы проиграли в прошлой войне, - сказала я. - Нельзя же винить собаку за то, что она вышла из-под контроля после того, как её хозяин собственноручно сбросил с неё поводок.

- Канцлер!

Комната взорвалась гулом возражений. Я дала им время, чтобы чуть успокоится, прежде чем постучать по столу, требуя тишины.

- Война - это применение военной силы для достижения политической цели, - сказала я. - Всё остальное - просто бессмысленное убийство.

Прежде чем они снова разразились недовольством, я вскочила на ноги и хлопнула по столу, привлекая всеобщее внимание.

- В теории, армия была орудием императора. Фактически, она будет инструментом гражданского правительства, - сказала я. - Примите это как можно ближе к сердцу. Вы дадите совет относительно нужного курса действий. Я решу.

Я оглядела комнату, оценивая реакции собравшихся. Я позаботилась, чтобы в моём взгляде было как можно больше тепла, когда я встречалась с глазами с кем-то, кто выглядел особенно недовольным. В целом, всё, казалось, шло согласно плану.

- Мы прервём нашу встречу на неделю. Если за это время вы не сможете принять верховенство избранного правительства, то непременно подайте в отставку со всей собственной вам честью. Вы получите свою пенсию, а также мою благодарность за вашу честность, - продолжила я. - Но если кто-то вместо того, чтобы мирно уйти в отставку, постарается тайно ниспровергнуть народную волю... Что же, у него больше не будет возможности подать в отставку.

Один из главных столпов моего правления состоял полностью из военных маньяков. И тем больше возрастает их поддержка, чем сильнее я делаю армию. Но даже они имели свои разногласия. Для одних из них сильная армия - это та армия, что способна служить нуждам Отечества. Для других же - та, что ведёт Отечество по верному пути. Конечно, между этими



двумя взглядами много общего, поэтому в спокойной обстановке группа вряд ли когда-нибудь расколется... Только если не будет вынуждена сделать определённый выбор.

Давя на военных, я старалась подвести эту группу к подобному выбору. По моим прикидкам, приличное число генералов уйдет в отставку и пойдет к народу со своими собственными взглядами. Возможно, им будет трудно убедить простых людей голосовать за то, что фактически является военной диктатурой, но в конце концов даже мне удалось собрать приличное количество избирателей обещаниями самоубийственной войны. Создание ультра-ультра-милитаристской партии поможет расколоть группу уже моих собственных избирателей.

При других обстоятельствах после подобной конфронтации с высшими армейскими эшелонами может возникнуть немаленький риск военного переворота. К счастью, единственный существующий на данный момент батальон воздушных магов в Вооруженных силах Джермении был несомненно предан лично мне, так что в худшем случае я, по крайней мере, смогу взять свой Тип-97 и безопасно покинуть страну.

Я еще раз оглядела комнату, удовлетворённая тем, что все сидят за столом в глубокой задумчивости.

- Увидимся через неделю.

ooOoo

На следующий день у меня была запланирована встреча с некоторыми крупными шишками из автомобильной промышленности. До этого, однако, я выкроила немного времени, чтобы встретиться с Элией. Уже давно пора было начать начислять ей заработную плату за счёт государства.

- Элия, именно благодаря стараниям твоей команды мы одержали верх над оккупационными войсками Франсуа, - сказала я. - Нация в долгу перед всеми вами.

- Благодарю вас, канцлер, - сказала она, слегка присев в реверансе.

- Думаю, самое время создать собственное разведывательное бюро, - сказала я.

Сколько бы я ни разглагольствовала о славной истории Империи, о её достижениях в различных областях человеческой деятельности, трудно было обозначить какие-либо заметные успехи в области шпионажа. Отдел военной разведки имел долгую историю непрерывного существования, но это всё, что можно было о нём сказать. Кроме того, Империя в основном полагалась на своих дипломатов, когда дело касалось различных новостей и политических ситуаций за рубежом. Эффективность такого подхода можно было наглядно увидеть в том, что Империя была практически застигнута врасплох тремя разными объявлениями войны в течение пяти лет.

Элия смогла доказать, что у неё есть умная голова на плечах. Конечно, она была немного молода для того, чтобы организовать целый новый государственный департамент, но если мыслить подобным образом, тогда и я была немного молода для того, чтобы быть канцлером. Меня беспокоило только то, что она может не захотеть браться за это дело. В конце концов, изначально я наняла её, чтобы она руководила различными мирными начинаниями, а не чтобы она с размаху прыгнула в мрачный мир шпионажа и контрразведки.

- Замечательно! - ответила она с искренней улыбкой на лице.

Похоже, что всем воздушным магам свойственно бросаться в опасные ситуации, словно они какие-то сумасшедшие маньяки. Ну, по крайней мере, я была абсолютно вменяема.

- Конечно, нужно ещё и с осторожностью составить бюджетный запрос, - сказала я. - Признаться, у меня нет никаких хороших идей для нашего прикрытия.

Невозможно вечно держать в секрете существование крупного государственного проекта. По крайней мере, я так думала. Насколько я знаю, в Японии была команда супер-сентай, сражающаяся с инопланетянами, которую смогли держать в тайне, по крайней мере, до тех пор, пока я не умерла. Практически говоря, однако, при демократии такая информация рано или поздно выплывет наружу. С другой стороны, я бы не хотела, чтобы весь мир увидел, как в парламенте проходит государственный бюджет с большим количеством отметок "шпионские штучки" в бухгалтерской книге.

- Может быть, новый Секретарский Департамент? - Предложила Элия. - Предназначен для выполнения любых административных задач, поставленных канцлером.

Есть причины, по которой я доверяю ей подобную деятельность

- Идеально, - сказала я. - Ваша первая задача - выследить иностранных шпионов, проникших на территорию Джермении. В основном для того, чтобы держать их подальше от важной приватной информации, но в идеале я хотела бы знать, если кто-то попытается сунуть свой нос в наши дела.

- Я найду и уничтожу любого, кто посмеет шпионить за нашим Отечеством, - сказала Элия, деловито записывая что-то в свой неизменном блокноте.

- Ну, да, порой придётся, - сказала я. Шпионская работа не всегда была чистой. - Но если мы сможем контролировать то, что они видят, будет лучше оставить их.

- Будет исполнено!

- Ваша вторая обязанность будет заключаться в сборе информации из других стран, - сказал я. - В частности, меня интересуют Республика Франсуа, Королевство Илдоа и Союз Руси.

Франсуа недавно были сильно унижены и, без сомнения, они хотят выместить свой гнев на нас. Коммунисты как всегда хотят распространить свою революцию на весь остальной мир. Илдоа, со своей стороны, проявляет тревожные признаки социальной нестабильности. Хотя мы больше не разделяем общую границу благодаря появлению Остеррии, Илдоа была достаточно близко, чтобы вызвать у нас проблемы, если всё там пойдет наперекосяк.

- Кстати, об этом, - сказала Элия, на удивление нерешительно. - Я уже размышляла о других странах. Мы достаточно свободно можем перемещаться по всей Джермении. Люди уже привыкли видеть наших интервьюеров, поэтому несколько дополнительных девушек на улице не привлекают никакого внимания. В чужих странах будет трудно проскользнуть незамеченными.

Этого следовало ожидать. Всегда проще работать на собственной территории.

Я почувствовала слабое недовольство. Часть меня испытывала искушение просто сказать Элии, чтобы она сама что-нибудь придумала. Я подавила этот низменный импульс. В скором времени она станет моими глазами и ушами на следующие несколько лет. И мне придётся всецело положиться на неё в данном аспекте. Самое меньшее, чем я могла помочь, так это внести

несколько идей. Очень жаль, но видимо я от природы такая прямолинейная и рациональная.

Было чистой удачей то, что после вторжения Франсуа мы смогли так удобно использовать интервьюеров в качестве прикрытия для нашего шпионского движения. Подобный успех трудно повторить в абсолютно других условиях. Хотя, если подумать, зачем ломать то, что и так работает?

- Можем ли мы сделать то же самое? - Спросил я. - Найдём местных, сочувствующих нашему делу. Они бы провели несколько собственных опросов, и тогда наши люди смогли бы затеряться в толпе интервьюеров той страны.

- Проводить опросы - дорогое занятие, - с сомнением ответила Элия. - Рядовой гражданин не сможет позволить себе подобные суммы. Конечно, мы можем влить и свои деньги, но тогда такая гора наличных в руках обывателей точно привлечёт ненужное внимание.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять её возражение. Я так привыкла к тому, что опросная деятельность является прибыльным бизнесом, что забыла о том, что Элие приходилось проводить опросы только в качестве частного инструмента политической партии.

- Конечно, всё пройдёт в контексте бизнеса, - сказала я. - Допустим, наши местные сторонники подадут объявление о том, что они готовы провести политический опрос, в авторитетную газету. Если им повезёт, они смогут даже нанять консультанта для политика, который хочет получить доступ к полным данным о результатах опроса общественного мнения.

Честно, даже если оставить в стороне удобную возможность для нашего прикрытия, простой сбор политической информации в другой стране был более впечатлительным результатом, чем когда-либо удавалось достичь большинству дипломатов империи.

- Не уверена, что это принесёт достаточно денег, чтобы мы смогли свободно проводить опросы - сказала Элия.

- В случае чего мы сможем чуть добавить, - ответила я. - Ну а если кто-то будет достаточно внимательным, чтобы заметить наше вмешательство по гроссбуху, что же... В тот момент он уже должен быть на нашей стороне.

- Ах, точно, точно, - сказала Элия. - Хотя не думаю, что Союз Руси позволит нечто подобное.

- Ты права, - признала я. - Они - крепкий орешек.

У меня не было каких-либо идей на их счёт. Одним из их преимуществ, свойственных управлению любым параноидальным террористическим полицейским государствам, было то, что твои враги теряли практически любые шансы на получение твоей внутренней информации.

- Начну с экспатриантов, живущих в Джермении, - сказала Элия. - Может быть мне улыбнётся удача и я найду кого-нибудь, кто знает полезного нам человека у себя на бывшей родине.

- Хорошо, - ответила я. - Важно не спешить и сделать все безукоризненно.

- Конечно!

По крайней мере, она была полна энтузиазма. Надеюсь, её новая работа и свойственные ей аморальные действия не повлияют на её жизнерадостный характер.

Следующая встреча должна была пройти в формате торжественного завтрака, что было уместно, так как я хотела переговорить с видными представителями промышленной отрасли. Глядя в окно салона по пути на встречу, было трудно сказать, процветает ли автомобильный бизнес. Машины, проезжающие мимо, выглядели впечатляюще, но, похоже, их было не так уж и много на дорогах.

Торжественный завтрак был, ну, типичным для этой страны. Джермения производила такое широкое многообразие сосисок, что некоторые из них почти наверняка пришлись бы мне по вкусу. К сожалению, подобные сосиски пока не встречались мне, но я не теряю надежду. По крайней мере, это не Остен-брот.

Обсуждение, как и ожидалось, вращалось вокруг автомобилей. В конце концов, люди, присутствующие за столом, были либо руководителями автомобильных компаний, либо ведущими дизайнерами автомобилей, либо же мной. Во время большинства разговоров я думала о своём.

Я была далека от автомобильной темы. У меня не было машины в Японии, так как я не нуждалась в ней благодаря отличной системе общественного транспорта. Джермения же обладала солидной сетью пассажирских поездов, и в моей новой жизни я, естественно, чувствовала еще меньшую потребность в автомобиле, когда буквально могла взлететь в воздух самостоятельно. Мне пришлось обратить больше внимания обсуждению, когда речь зашла об новых автомагистралях.

Похоже, руководители автомобильных компаний этой эпохи все еще были в душе теми ещё лихачами, а не душными бизнесменами. По крайней мере, к такому выводу можно прийти, слушая захватывающую историю одного из них, в которой он рассказывал о своей скоростной гонке по пустой автомагистрали. Звучало безрассудно, но в целом безобидно. По крайней мере, пока он не упомянул, что в ключевой момент гонки он смог обойти своего оппонента благодаря солнцу, на мгновение ослепившему его противника.

- Вы гоняете по автомагистралям в дневное время?

Внезапно над столом повисла тишина. Генеральный директор, Пол Даумлер, если я правильно помню, выглядел так, словно он был маленьким мальчиком, которого поймали с поличным с банкой печенья в руках. Похоже, что они забыли, что обедают вместе с правительственным чиновником.

- Мадам Канцлер? Ну, эм-м, - сказал Даумлер, прочистив горло. - Конечно же, во время гонки мы следовали всем действующим правилам и нормам безопасности.

- Не будем об этом, - сказала я, - неужели во время гонки вам не помешал трафик?

Все собравшиеся за столом разразились долгим смехом, смехом, который стал немного нервным, когда они поняли, что я совсем не шучу. В конце концов, после несколько косых взглядов, все взглянули на Даумлера, давая ему право разъяснить ситуацию.

По его объяснениям, можно было понять, что очень немногие когда-либо использовали свои автомобили для передвижения на большие расстояния. Автомагистрали, на строительство которых я потратила огромную сумму денег налогоплательщиков, были довольно оживленными вокруг больших городов, но в сельской местности во многих районах проезжало не больше нескольких авто в час. Даумлер изо всех сил старался уверить меня, что дороги

были изумительно хороши сами по себе, что было слабым утешением.

Похоже, разрабатывая свои планы по модернизации инфраструктуры страны, я забыла учесть общую бедность населения. В отсутствие доступного, надёжного автомобиля, способного двигаться со скоростью автомагистрали, дороги, которые я приказала построить, были не более чем игровыми площадками в руках богатых лихачей.

Потерев виски, я позволила волне своего смущения утихнуть. - Сколько стоит купить машину в вашей компании? Самую дешёвую.

- 2500 марок, - ответил Даумлер, прежде чем повернуться к соседу справа от него.

- 2250

- 2400

- 2650

- 2300

Ответы шли один за другим. Я мало знала о нынешнем семейном бюджете, так как правительство заботилось о большинстве моих расходов, но я взяла за правило время от времени заглядывать в продуктовый магазин, и я знала, сколько мы платили людям, строящим дороги. Быстрые арифметические вычисления подсказали мне, что люди, работавшие на строительстве, смогут позволить себе машину, способную разогнаться до скорости автомагистрали, примерно никогда.

Проблема заключалась не только в том, что никто не мог позволить себе автомобиль, но и в том, что никто не производил доступные автомобили.

- Разве нельзя, используя современные методы производства, выпускать и продавать автомобили за меньшие деньги? - Спросила я. - Скажем, за тысячу марок?

Мало того, что тысяча марок была удобным круглым числом, сумма была также достаточно низкой, чтобы небольшая поддержка со стороны государства позволила рядовому рабочему купить автомобиль. Возможно, не рядовому рабочему, но точно человеку со средней зарплатой, готовому экономить и откладывать.

- Ну, Что же... - начал было Даумлер тем тоном, каким обычно говорят влиятельному человеку "нет".

- Это возможно!

Человек, прервавший Даумлера, не был одним из тех, кто перечислял цены до этого. Скорее всего, он был дизайнером автомобилей, хотя я и подзабыла его имя. Его поведение, усы и залысины напоминали мне о Докторе Шугеле явно в предзнаменование несчастья.

- Ох, только не снова... Антон. - Один из руководителей тяжело вздохнул. Я взглянула на Даумлера, ожидая объяснений.

- Антон Эрлих - блестящий дизайнер, - сказал Даумлер, - но эта его идея Народного Автомобиля...

- Это работает, говорю вам, - настаивал Эрлих. - Семейный автомобиль, способный ехать со

скоростью 100 километров в час всего за 1000 марок. Мне нужен лишь завод для него, построенный по соответствующим спецификациям.

- К сожалению, - сказал Даумлер, - понимание дизайна не значит понимание покупателей.

- Наши клиенты ожидают определенный уровень изысканности от наших авто.

- Жук Эрлиха сможет разогнаться до 100 километров в час, только если вы сбросите его с обрыва.

- Да, его можно было бы продать за 1000 марок, но только после того как вы продадите десятки тысяч из них... Да и то, перед этим нужно было бы содрать с автомобиля всё, что делает его достойным этого звания.

Ни один из руководителей не стеснялся выражать своё мнение. Похоже, им было трудно даже представить себе людей среднего класса в качестве покупателей автомобиля. Или, что более вероятно, они могли себе их представить, но отвергли как несбыточную мечту.

Я чувствовала здесь возможности. Не инвестиционные возможности. Ну, очевидно, была возможность для инвестиций, но ни один из корпоративных титанов здесь не был в ней заинтересован. Если я вброшу немного денег в эту идею, это не будет инвестицией. Это будет государственным предприятием.

Существует ли более подходящая возможность вбить клин? Рассудительно-серьёзные консерваторы, которые объединились с Джерменской Рабочей Партией лишь для того, чтобы сформировать коалицию, отшатнулись бы от одного намека на то, что я планирую подобное вмешательство в свободный рынок. С другой стороны, менее экономически развитые люди, которые составляли большую часть моей собственной партии, могли с лёгкостью влюбиться в идею хорошо оплачиваемых рабочих мест и дешёвых товаров, предоставляемых государством. Я не могла просить о лучшем инструменте, чтобы привести наше политическое партнерство к саморазрушению.

Проблема заключалась лишь в том, что по этому вопросу у меня было своё личное и твёрдое мнение. Я разделяла презрение капиталистов к идее прямого вмешательства государства в рыночную экономику. Конечно, я могу с лёгкостью оправдать это конкретное вмешательство: свободный рынок не смог удовлетворить потребности людей, поэтому государство должно вмешаться, чтобы показать, что, вообще, возможно удовлетворить эти потребности. Чистый софизм. Существование рентабельной клиентской базы рано или поздно привело бы к тому, что появился бы кто-то, желающий заработать побольше денег и имеющий возможности удовлетворить их потребности. Использовать деньги, полученные с налогов, чтобы выйти на рынок, означало сделать большой шаг к коммунизму и всей неэффективности и страданиям, которые шли вместе с ним.

С другой же стороны, это будет большой шаг к моему мирному отдыху. Что же, невозможно прожить жизнь, никогда не идя на компромисс.

ooOoo

Примечание(2): для справки, обменный курс на данный момент фанфика колеблется между четырьмя или пятью марками за доллар. Стоимость американского автомобиля начинается с около 500\$, обычно даже немного больше, а иногда и немного меньше. В современных условиях 500\$ можно смело приравнять к примерно 8500\$ (500000₽), хотя, конечно, самые дешёвые автомобили тогда представляли из себя голый костяк. Помощи со стороны

государства тогда тоже было значительно меньше.

Примечание(3): существует множество способов интерпретации слов Карла фон Клаузевица. Классический стереотипный прусский подход состоял в том, что если нельзя с помощью политики получить то, что вы хотите, вы должны объявить войну и взять это силой. Таня утверждает противоположное, а именно, что вы не должны начинать войну, если считаете политически не приемлемым конечную цель.

<http://tl.rulate.ru/book/25868/538193>